

Н. Г. ЗАГОРСКАЯ

Не зевай, Малыш!

Н.Г. ЗАГОРСКАЯ

Не зевай, Малыш!

Рассказы

ПЕТРОЗАВОДСК «КАРЕЛИЯ» 1989

Рисунки Т. Васильевой

ЕВРАЖКИН ДОМ

Он был хорошим хозяином, владельцем уютного домика, запрятанного глубоко под землей. Ему не нужно было очень большого дома: ведь он сам был невелик — размером с кошку.

Хотя у него было очень несерьезное имя — евражка, — он был серьезным зверьком. И все делал обстоятельно. Своими коротенькими, но сильными лапками с крепкими коготками он вырыл себе жилище в мягкой глине на верхушке склона неглубокого оврага. Домик состоял из двух половин, совсем круглых, соединенных между собой проходом. Из каждой на поверхность земли шли по два длинных узких коридора. Три из них выходили в густую высокую траву в верхней части оврага, а четвертый — прямо на склон, как раз над белым пятном снежной глыбы, из-под которой вытекал ручеек чистой холодной воды. Эта глыба не таяла все лето.

Евражка постоянно был занят работой. То он очищал коридоры в своем домике от осыпавшегося со стенок песка, то собирал мягкий мох и сухие травинки для постели, то выкапывал корешки, собирал ягоды, обкусывал шляпки креп-

ких молодых грибов. Все это он тащил в свое подземное жилище. Ведь зима-то длинная! И хотя зимой он почти все время спит, но иногда ведь надо что-нибудь пожевать — даже и сквозь сон? И он без устали делал запасы.

От постоянной работы на свежем воздухе, от молодости и здоровья у евражки был прекрасный аппетит. Между делом он жевал и жевал — целый день! Поэтому брюшко у него было круглое, как резиновый мяч, а рыжеватая шкурка в коричневых крапинках блестела, как шелковая. В поисках еды евражка быстро-быстро бегал в высокой траве, по мягкому короткому мху и даже вокруг снежной глыбы, что лежала у самого выхода из домика, а когда уставал — садился на задние лапки, передние складывая на круглом сереньком животе. Так он сидел подолгу у одного из выходов своего домика. Он отдыхал, посматривал на солнышко, на качавшуюся от ветра траву, а носик его и усы тихонько шевелились: он нюхал, чем пахнет ветер. Если ветер доносил запах ягод, трав, талого снега, можно было не беспокоиться. Но если запахнет лисой или песцом, если слышится свист крыльев ястреба — евражка вытянется, как струна, и крикнет звонко:

— Цик-цирик-цик-цик!

Упадет на все четыре лапки, кивнет небу пушистым хвостиком и спрячется в домик. А крик его услышат и повторят ближние и дальние соседи-евражки и, так же дернув хвостиками, попрячутся в домики. А те евражки, что добывали пищу далеко от дома, молча, пушистыми шариками, покатаются к своим убежищам.

У нашего евражки был замечательный слух и нюх. Поэтому все другие евражки его очень уважали и любили — ведь он предупреждал их об опасности раньше, чем они сами ее замечали.

Да, ему было чем гордиться. Ни разу еще не приходилось евражке побывать в лапах лисы или ястреба, и он воображал, что нет хитрее и проворнее его во всем евражьином царстве. Оттого-то так гордо и задирает он свой маленький носик. Хотя по совести сказать, не все было благополучно в евражьином доме: жил-то он один. А одному иногда бывает очень и очень скучно.

Совсем недалеко от него, под пухлой моховой кочкой, жило целое семейство евражек. И там была одна маленькая,

веселая и быстрая евражка, которую наш евражка пытался переманить из ее тесного и шумного дома в свое уютное тихое жилище. Но она чирикала, дергала хвостиком и пряталась от него в высокую траву, словно сомневалась, что ее сосед самый храбрый, самый хитрый и в его доме ей будет тепло, сытно и не страшно...

Евражка старался изо всех сил расположить к себе соседку. Расширял и углублял домик, без конца таскал туда еду, неутомимо сторожил лисиц, песцов и ястребов, звонким чириканьем, всегда вовремя, предупреждая соседей об опасности...

Случалось, евражинка наведывалась к нашему евражке, и они вместе грелись на солнышке, но в самый неожиданный момент гостя вдруг хихикнет, дернет хвостиком и убежит в свою норку. А евражка грустно плетется в свой уютный, но одинокий домик.

Однажды теплым солнечным утром евражка проспал дольше обыкновенного. Проснувшись, он вылез из домика и увидел евражинку. Она сидела возле самого входа и жевала корешок. Поприветствовав друг друга, они побежали

к ручейку, что вытекал из-под снежной глыбы. Быстро-быстро скатывались они под горку. Снежный холодок покалывал им лапки, солнышко грело спинки. Добежав до ручейка, они частыми мелкими глотками стали пить свежую, как роса, холодную воду.

И вдруг евражка насторожился. Чтобы лучше видеть и слышать, он сел на задние лапки. Евражинка замерла возле него. Снизу по оврагу быстро поднимались четыре огромных невиданных существа. От них падали длинные резкие тени, такие, как от самых больших камней. Они не рычали, но издавали громкие отрывистые звуки. По всему было видно, что эти двуногие ничего и никого не боятся.

Евражка пискнула и не помня себя от страха, стремглав помчалась по снежной глыбе. Бах! — и она влетела прямо в отверстие евражинного дома. Евражка мгновение помедлил и бросился вслед за ней.

Прижавшись друг к другу и дрожа от страха, они сидели в круглой норке под землей и прислушивались. Снаружи глухо доносились какие-то непонятные звуки, тупые удары. Наконец евражка, не выдержав — ибо он был очень любопытен, — тихонько пополз к выходу на склоне оврага. Выглянув, он увидел тех, кто так его напугал. Они находились на противоположном склоне оврага, один из них копал землю. Ну совсем так, как сам евражка, когда сооружал свой домик. Только выкопанная неизвестным яма была так велика, что туда могло бы поместиться четыре евражинных дома.

Убедившись, что на него не обращают внимания, евражка вылез и сел около входа в норку. Он сидел в своей обычной позе, сложив лапки на животике, щурился на солнце, нюхал ветерок и соображал. До него долетал незнакомый запах, было очень шумно. Ни лиса, ни песец, ни коршун никогда так не шумели. Они подбирались тихо, как тень от облачка, чтобы не спугнуть евражку. Они старались остаться незамеченными. Эти пришельцы не таились. Значит, он им не нужен. Евражка все с большим интересом наблюдал за их действиями.

Вот копавший полностью скрылся в вырытой им глубокой траншее, рассекшей противоположный склон. До евражки ясно доносились слова: «уголь», «коренной», «намытый», «вторичный», «первичный». Но смысла их он не понимал

и все шире и шире открывал маленькие глазки. И вдруг... О ужас! Снизу прямо на него бежал страшный зверь. Он был больше лисы, его длинный красный язык свисал из открытой пасти, клыки сверкали на солнце, как белые ножи... Евражка упал на все четыре лапки, отчаянно чирикнул и, забыв даже дернуть хвостиком, нырнул в домик. Здесь его страх сразу прошел. С деловым видом он пробежал мимо евражинки и, выскочив в длинный коридор, тихонько подкрался к другому выходу. Выглянул. Зверем не пахло. Он столбиком уселся у входа в нору — и тут же прямо против него из травы поднялись два острых уха, а затем он увидел веселые и любопытные карие собачьи глаза. Тогда евражка свистнул бесстрашно и вызывающе, дважды тряхнул хвостиком перед страшной пастью — и был таков! Гордо глянув на дрожащую евражинку, он помчался через свой подземный ход к третьему выходу. Вылетев на яркое солнце, с бугорка он увидел собаку, обнюхивающую траву у противоположного выхода. Она сконфуженно помахивала хвостом и громко фыркала носом. Тогда евражка чирикнул так пронзительно и торжествующе, что собака подскочила на месте, залаяла гневно и бросилась к обидчику. Однако он успел скрыться в домике, трижды дернув хвостиком перед ее носом.

Он еще три раза дразнил собаку, выбегая из норки, пока она не завизжала от досады. Чтоб добраться до наглеца, собака стала рыть землю, но цепкая трава ей помешала. Совсем устав, она спустилась в овраг, шумно напилась воды из ручья и улеглась прямо на снег, лениво помахивая хвостом.

Евражка — теперь уже без всяких опасений — сел у выхода на склоне. Собака взглянула на него один только раз и с досадой отвернулась. Вот тогда он почувствовал себя настоящим победителем, настоящим хозяином оврага. Он сидел, раздувшись от гордости, как маленький меховой шар, и важно поводил усами.

Вскоре пришельцы свистнули собаке, и она побежала к ним, шумно топоча; все вместе они опять спустились по оврагу и скрылись за поворотом. Стало тихо. В воздухе еще носился слабый незнакомый запах, темнела разрытая на склоне земля.

Евражка позвал евражинку. Она вышла, робко оглядываясь. Вокруг никого. Лишь на дне оврага вода проступала в ог-

ромных следах на влажном грунте. На противоположном склоне зияла мрачная расселина. Мелкая черная пыль осела на снежной глыбе. Евражка сидел не шевелясь, раздув брюшко и топорща усы. Сейчас он ей казался самым храбрым, самым хитрым из всех евражек. Ведь он сумел спровадить таких ужасных чудовищ!

В этот вечер, когда бледные летние звезды чуть мерцали над сонной тундрой, евражка притащил кусочек черного камня из ямы, вырытой пришельцами, и положил его у входа в нору в знак того, что он теперь хозяин угольного пласта. А евражинка осталась с ним навсегда в его круглом подземном домике.

ХВОСТАТЫЙ НЯНЬ

Малыш был сыном европейской овчарки и колымской лайки. И был он так красив, силен и умен, что вроде бы и сам это понимал... Особенно притягивали человека его карие с золотинкой глаза, опущенные густыми ресницами, такие говорящие, что все могли выразить без слов. Вот мы с ним и говорили таким образом обо всем на свете. Во время длинных маршрутов в пустынных горах или в пестрой моховой тундре... Я рассказывала ему о том, что меня огорчало или радовало, а он слушал, не сводя с моего лица своих прекрасных глаз. Если я улыбалась — он раздвигал пасть в подобие улыбки. Если грустила — прижимал уши, заглядывал мне в лицо и лизал руки... Он был вежливым и приветливым. Но боже упаси, если кто-нибудь делал вид, что хочет меня напугать или толкнуть! За такие выходки многие поплатились верхней одеждой. В дом при мне он спокойно пускал кого угодно. Но стоило только прилечь или задремать, пригревшись у печки, — входить становилось опасно: он не рычал и не лаял — он молча бросался на знакомого и незнакомого и, опираясь мощными лапами на его плечи, прижимал к вороту оскаленные зубы.

Но не я одна пользовалась расположением Малыша. Мой пёс обожал щенят. Все щенки на зимовке бегали за ним стайками. Окруженный ими, он ложился и давал им лазить

по себе, как по дивану. И только блаженно жмурился, когда они кувыркались на нем, тявкали и пищали ему в уши, трепали хвост, покусывали лапы... Он уступал им еду в своей чашке и, сидя рядом, добродушно шевелил хвостом, наблюдая за суетливыми существами с перепачканными кашей и супом мордочками.

В пятнадцати километрах от нашей зимовки, на самом краю угрюмого базальтового мыса, стояла маленькая метеорологическая станция. Там жили метеоролог с женой и маленькой дочкой и два радиста. Дорога к ним шла горными долинами и пересекала два невысоких, но очень продуваемых пургой перевала. Геологи с нашей базы частенько бегали на лыжах на метеостанцию и с радиogramмами, и просто повидаться с хорошими людьми, послушать передачи с Большой земли. Своей рации у нас на зимовке в тот год не было. В каждом таком походе нас сопровождал пес.

Однажды в марте, когда солнце уже вовсю сияло над морем и горами, прибежав на метеостанцию, мы обнаружили новых жителей — шесть смешных щенков, похожих на живые меховые варежки. Они еще неуклюже ползали, переваливаясь с боку на бок... Пес устремился к ним. Напуганные малыши сбились в пушистый клубок носиками внутрь и замерли. Пес тщательно их обнюхал и, засунув свой нос в самую серединку клубка, принялся облизывать маленькие мордочки. Через несколько минут вся команда уже доверчиво сутилась у него между лапами.

Весь день пес не отходил от щенков. Домой он трусил не так весело, как обычно... А через несколько дней, выпущенный на прогулку, бросился к перевалу и исчез в снежной дымке.

Мы поняли: побежал проводить сирот-малышей. К вечеру он вернулся с запиской под ошейником: «Поздравляем с высококвалифицированной няней!»

В следующий наш визит на метеостанцию, месяц спустя, до самого перевала нас провожала щенячья стайка. На перевал они подняться не решились и остались внизу, долго еще давая о себе знать звонким тьяканьем.

В один из ярких майских дней накануне весенней распутицы ранним утром мы увидели на дальнем горном склоне шесть черных подвижных точек. Пес насторожился, потянул

носом и бросился в ту сторону. Через час он вернулся в сопровождении всей шестерки!

Пес привел щенят прямо в наш тамбур и, глядя на меня смеющимися глазами, взял в зубы пустую чашку и постучал ею об пол. Как тут было не понять его! Гостей накормили досыта. А потом вся компания уютно устроилась на отдых, видимо не собираясь возвращаться восвояси.

Однако к вечеру прибежал с метеостанции радист. Он усадил щенят в объемистый рюкзак и, закинув его за плечи, двинулся с нелегкой ношей к перевалу. Через несколько дней мы навестили метеоролога и обнаружили щенят за тонкой сеткой в просторном вольере. Там им пришлось просидеть все время распутицы. Иначе они могли бы погибнуть в бешеных весенних потоках, мчащихся в ледяных, сверкающих желобах.

Летние съемочные и поисковые работы надолго разлучили нас с соседями. А когда осенью, закончив полевой сезон, мы вернулись на базу, они встретили нас в сопровождении почти взрослых, хорошо обученных, дисциплинированных собак. В «няне» они уже не нуждались!

В утешение себе Малыш вскоре подружился с новыми щенками, которые появились на нашей базе, и так же трогательно опекал их.

НЕ ЗЕВАЙ, МАЛЫШ!

Мы шли по подножию крутого горного склона. Мы — это я и пёс Малыш. Справа громоздились глыбы каменных россыпей. Слева широко раскинулась долина реки Каниюль. Саму реку не было видно. Ее течение обозначалось полосой круглых, как шарики, низких кустов тальника. А вокруг лежала летняя тундра, в пестрых мхах, невысоких травяных кочках, на которых покачивались белые кисточки пушицы. Синело, без единого облачка, небо.

Я пристально вглядываюсь, не видно ли впереди крутого скалистого выступа, не разрушенного временем. А высоко-высоко в небе плавно кружатся большие черные птицы. Клинг-кланг! Кланг-кланг! Словно звонкий колокол бьет где-то в густой синеве. Круги птичьего полета сужаются. Птицы

выются друг возле друга, неторопливо расходятся и замирают на распластанных крыльях. И опять: клинг-клинг-кланг! Любители фигур высшего пилотажа описывают крутые восьмерки и идут на сближение...

Я остановилась, залюбовавшись игрой двух огромных черных вóронов. Да, это вóрон в теплые дни начала лета издает горлом звуки, похожие на колокольный звон, приглашая свою подругу на весенний брачный полет.

Мой пес в это время, совершенно не интересуясь воздушными танцами, обгоняя меня, пробежал деловой трусцой вперед. Вдруг он прилег в красноватый мох. Между лапами у него зажата старая, бурого цвета оленья кость. Наверное, еще с зимы осталась она от обеда тундрового волка. Но Малыш с аппетитом начал ее грызть.

Посмотрев на него, и я решила присесть закусить ржаным сухарем и шоколадом, что захватила с собой утром, выходя из лагеря.

За едой я не сразу заметила, что звуки, похожие на звон колокола, прекратились. И только подняла голову, чтобы посмотреть вверх — фр-р-р! — мимо меня промелькнула пара огромных черных крыльев, и ворон, красиво спланировав, приземлился рядом с Малышом. Второй опустился рядом. Большие птицы, неуклюже переваливаясь, неторопливо зашагали прямо к собаке.

Пес вскочил и с яростным лаем кинулся на непрошенных гостей. Они быстро, но невысоко взлетели и, описав круг, опять опустились рядом с собакой. Малыш взъерошил шерсть на загривке и, не поднимаясь, не выпуская кости из лап, грозно зарычал.

Птицы отошли, но улетать не спешили. Они расхаживали в стороне, даже что-то поклевывали, словно им и дела не было до собаки и до ее добычи.

Я замерла. Малыш с увлечением обгладывал кость и искоса нет-нет да и поглядывал на подозрительных соседей. Они миролюбиво топтались рядом. Пес перестал обращать на них внимание. И вдруг один ворон стал заходить ему в хвост, другой невысоко взлетел и присел прямо перед собачьим носом. Раз! Крепкий клюв вцепился в кончик собачьего хвоста. Малыш, отчаянно завизжав, взвился на все четыре лапы и кинулся на наглеца.

Но не успел пес отбить атаку, как второй ворон стремительно схватил кость, и крылатые разбойники тотчас поднялись в воздух.

Малыш был вне себя. С яростным лаем помчался он по тундре, взвиваясь на задние лапы, будто надеялся допрыгнуть до своих обидчиков. Куда там! Птицы покружились над ним, дразня, и скрылись за коричневыми зубцами скал, унося украденную у собаки кость.

Пес подбежал ко мне, обиженно тявкнул: дескать, куда же ты смотрела... Я погладила его по взъерошенной шерсти и примирительно сказала: «Не сердись, Малыш, уж очень изобретательно вóроны хитрили». Я отдала ему остатки сухаря и шоколада, мы помирились и пошли дальше под синим небом вдоль пестрой тундры и каменного склона.

Через полчаса над нашими головами опять зазвенел крылатый колокол, словно напоминая: «Не зевай, Малыш!»

ЗАВТРАК ТОПТЫГИНА

Небо почти до зенита было залито прозрачным золотом... Солнце катилось понизу, за лиловыми гребнями гор, пробираясь к востоку, по северной стороне горизонта. Резко лопотала ледяная речка, истошно зудели комары. К берегу реки подошли четыре усталых человека и тяжело навьюченная лошадь. Лошадь быстро развьючили. Молоденький рабочий проворно собрал сухого тальника и разжег костер. Двое геологов, до глаз заросшие буйными бородами, растягивали палатку. Худенькая женщина быстро развязывала узлы на выюках. Все были заняты.

Наконец палатка поставлена, суп кипит в ведре над костром, нехитрый багаж аккуратно разобран. За ужином говорили о том, что в новый далекий маршрут тяжело и бессмысленно тащить большой фанерный ящик из-под масла, набитый образцами пород, собранными за две минувшие недели маршрутов. И тут же решили: оставить ящик в «захоронке» здесь, на месте лагеря, куда они вернутся через месяц.

Один из геологов и паренек-повар, вооружась лопатами, принялись разгребать крупную серую гальку речного пляжа. Снизу галька немного смерзлась, и лопаты плохо слушались землекопов. Только через час напряженной работы, вытирая пот со лба и шеи, мужчины выбрались из неглубокой квадратной ямы.

— Ну тащите ваши образцы в «могилку»! — весело закричал паренек.

И геологи бережно опустили ящик в яму. А через пять минут плоский холмик из серой гальки уже надежно скрыл его. Для опознания места заломили ветку тальника, положили на гальку ослепительно белый кварцевый валунчик.

Утреннее небо дымилось розовым паром над пустынной речкой, над погасшим кострищем да над парой пустых консервных банок, когда отряд вновь ушел в свой дальний поиск.

Бурый проснулся на влажном от росы каменистом склоне. Сонно и подслеповато щурясь, он вглядывался в узкое тенистое корытце ручьевого долинки. Было тихо и пусто. И очень хотелось есть. Бурый был уже стар. Морда у него поседела, когда-то блестящая шерсть потускнела и свалилась. Медведь

встал, потянулся и медленно пошел вниз по ручью, припадая на перебитую много лет назад пулей неопытного охотника лапу. Выйдя на простор главной долины, он резко остановился. Поднял лобастую башку, тревожно шевеля носом.

Человек? Однако тишина и спокойствие вокруг нерушимы. Бурый поднялся на дыбки, сясь разглядеть что-нибудь в зеленом дыму приречного тальника. Никого. Все пошевеливая носом и покачивая огромной башкой, Бурый побрел к реке. Стоп! Резкий запах кострища и человека зарядом ударил в ноздри. Бурый сел по-собачьи, его маленькие глазки тревожно зашарили по кустам. Золотой лучик загорелся в консервной банке. Он подтянул ее лапой, подцепил ловко, по-человечьи, поднес к носу. Вкусно пахнет, да пустая...

Обнюхивая, переворачивая камушки, он пошел вдоль реки... Снова резкий дух человека. Где? Здесь, под лапами! Каждая галечка так и кричит в нос: человек, человек!

Бурый не торопясь принялся разгребать гальку. Запах усиливался. Вот когти скользнули по белому листу фанеры... Ого! Они зарыли пищу? Это было знакомо и понятно. Он сам часто зарывал рыбу, палого оленя. Он любил еду «с душком». Его старое сердце радостно забило, предвкушая роскошный пир. Он даже облизнулся несколько раз, с хрустом и треском раздирая фанерную крышку.

Но что это? Жесткие бумажные пакеты? Бурый был терпелив. Ловко орудуя гибкими ладонями и острыми когтями, он не спеша разорвал бумагу. Из нее вылетела бумажка поменьше и закружилась, затанцевала на утреннем ветерке. В лапах зверя лежал угловатый темный камушек. Бурый обнюхал его. Покидал с ладони на ладонь. Размахнулся и швырнул. Камень со свистом полетел вниз по речке и упал вдалеке на серую гальку. Бурый сидел, покачивая башкой. Размышлял. Неужели они это едят? И он в недоумении принялся за следующий образец...

Через месяц маленький отряд вернулся к речной стоянке. Сеял частый осенний дождь. Туман лениво стекал по склонам, мрачно чернеющим голым камнем. Лишь там, где разрослись мхи и кустарники, тускло выделялись красные и рыжие пятна. Люди шли медленно. Лошадь низко опустила голову, изнемогая под тяжестью выюков.

— Ура! — издали закричал веселый паренек. — Сейчас и к родимой «могилке» подойдем!

Но радость была преждевременной. Возле беловатого пятна кострища в серой гальке зияла раскрытая яма. Валялись куски фанеры. На пожелтевших кустах тальника кое-где белели маленькие бумажки. Присмотревшись, увидели, что это выгоревшие на солнце и вылинявшие под дождями этикетки от образцов. Геологи ахнули. Заглянули в ящик — пустой. В стороне, шагах в пятнадцати-двадцати вниз по реке, лежала кучка угловатых каменных обломков. Это были образцы, вышвырнутые Бурым за ненадобностью.

— Кто это такой негодяй?! — возмутилась женщина.

— Негодяй косолапый, Михаил Иванович Топтыгин, — ответил старший из геологов.

— Что же теперь делать? Пропали две недели работы... — горевала женщина.

— Придется пройти заново по всем маршрутам и снова собрать образцы, — серьезно сказал старший. — Но в этот раз времени потребуется меньше, чем две недели. Ведь не нужно будет делать ни зарисовок, ни описаний, только заново отколоть образцы и заполнить этикетки, — успокаивал он огорченных товарищей.

— Пожалуй, после виденного за этот месяц там, в больших горах, полезно будет еще раз посмотреть первые обнажения, проверить заново свои впечатления, — в раздумье сказала женщина.

— Видишь, нету худа без добра, — улыбнулся старший.

— Скоро вы скажете, что медведь вам в геологии подсобил! — заворчал паренек, бойко вскрывая консервы.

— Нет, а вы представляете его рожу в тот момент, когда он разворачивал образцы?! — рассмеялась женщина. — Ведь ни одного не пропустил!

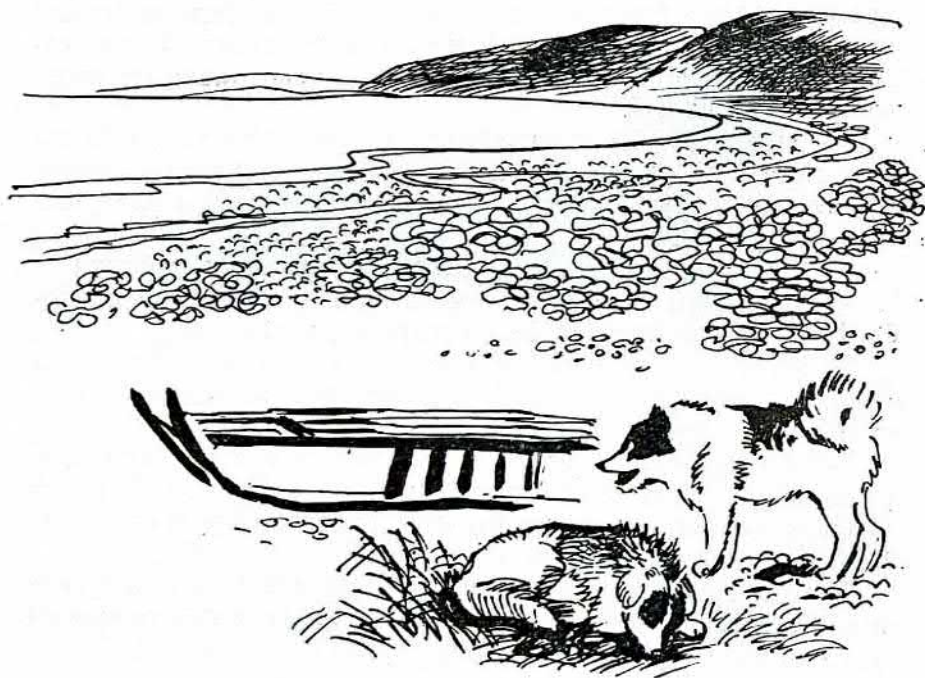
— Он теперь всем встречным медведям скажет: «Близко-то возле них не ходите! Они камни жрут, а уж чего им стоит медведя сожрать?» — хмуро буркнул паренек. Дружный смех был ему ответом.

Туман, как занавес, плавно взвился вверх, и между его нижним дымящимся краем и черными скалистыми гребнями густо и влажно засинело небо.

ВАУЛЬМА

На самом краю света — на севере Дальнего Востока — раскинулось Берингово море. Вода в нем зеленая, как бутылочное стекло. И холодная-холодная. Высокие коричневые горы подходят к самой воде. Иногда они расступаются — там, где в море впадает река или протока, вытекающая из лагуны. Лагуна — это большое озеро, отделенное от моря полосой галечника — пересыпью. Крупная серая блестящая галька переливается под солнцем, красиво обрамляя водную гладь лагун. Пересыпи бывают разные. Иногда короткие и узкие.

Иногда длиною в несколько десятков километров и шириной в два, три и даже пять километров. Протоки, соединяющие лагуны с морем, похожи на узкие извилистые речки.

Пересыпь в бухте Гавриила отделяет от моря лагуну Орианда. Это огромное озеро с синей водой. А на его берегу, на пересыпи, стоит маленький поселок — всего шесть деревянных домиков и шесть низких квадратных землянок. В этом поселке много лет назад жили геологи. И с ними жили собаки. Много собак! На них ездили за сто и за двести километров: за продуктами, за почтой, перевозили людей в отдаленные поселки, чукотские стойбища, к дальнему аэродрому, выезжали на охоту.

Запрягают собак в узкие высокие сани, которые называются нарты. Запрягают иногда парами, шесть пар друг за другом, а иногда — веером, то есть в полукруглый ряд. Сильные высокие пушистые собаки — колымские лайки (они крупнее овчарок) могут по твердому снегу перевезти четыреста килограммов груза со скоростью шестьдесят километров в час. Вот как работают эти собаки. Они бегут дружно, согласенно, широкими прыжками, вытянув морды вперед, прижав уши. Пушистое кольцо хвоста работает на поворотах как надежный руль. У этих собак высокие сильные лапы и широкая грудь.

Одну из наших колымских лаек звали Ваульма. Это была белая с черными пятнами, с пушистой мягкой шерстью собака. Ее большие красивые глаза отличались особой выразительностью. Лет ей было уже немало. За свою жизнь она пробежала тысячи километров и принесла не меньше шестидесяти щенят. Став взрослыми собаками, ее щенки превращались в замечательных бегунов. И люди приезжали из дальних поселков и стойбищ, чтобы получить их для своих упряжек.

Среди собак в бухте Гавриила было много уже выросших щенков Ваульмы. Она не забывала своих детей, как другие собаки. Вступалась за них в драке, уступала еду из своего корытца. А вот дочку свою Белку она любила особенно.

Стояли теплые июльские дни. Небо слепило глаза синевой. И вода в лагуне — тоже. Море за пересыпью лежало тихое, огромное, как зеленоватый ковер, затканый золотыми нитями. В эти погожие летние дни Белке пришло время родить щенков. Она бродила туда и сюда — отяжелевшая, неторопливая, словно бы задумчивая. Ваульма не спускала с нее глаз. Однажды утром мы увидели, что Ваульма, поминутно оглядываясь, идет в тундру, а за ней тихо бредет Белка. Я забеспокоилась: куда это Ваульма уводит готовую вот-вот щениться Белку? И издали стала за ними подсматривать.

Собаки отошли от поселка километра на полтора. У низкого песчаного обрывчика, там, где ветер выдул неглубокую ямку в песке, они остановились. Белка тяжело и устало легла на песок, а Ваульма деловито принялась раскапывать и углублять ямку. Она рыла грунт с такой силой, что целые

фонтаны песка взлетали между ее задними лапами. Постепенно Ваульма полностью скрылась внутри выкопанной пещерки, не видно было даже хвоста. Но, вот она вылезла, отряхнула песок и, подбежав к Белке, ласково ткнула ее носом в шею и лизнула в нос. Белка тоже лизнула нос Ваульмы, тихонько пошевелила хвостом. Потом медленно поднялась, подошла к пещерке, оглянулась на Ваульму. Та весело и ободряюще размахивала хвостом, морда у нее была смеющаяся — розовый язык торчал между белыми зубами, уши прижимались к голове. Белка скользнула в пещерку. Ваульма подбежала к краю ямы, постояла, наклоняя голову то в одну, то в другую сторону, потом легла, вытянула лапы, положила на них морду и закрыла глаза.

Настал вечер. Северное солнце спустилось до самого моря. Темно-лиловая тень закрыла Ваульму, неподвижно лежащую у песчаного обрывчика.

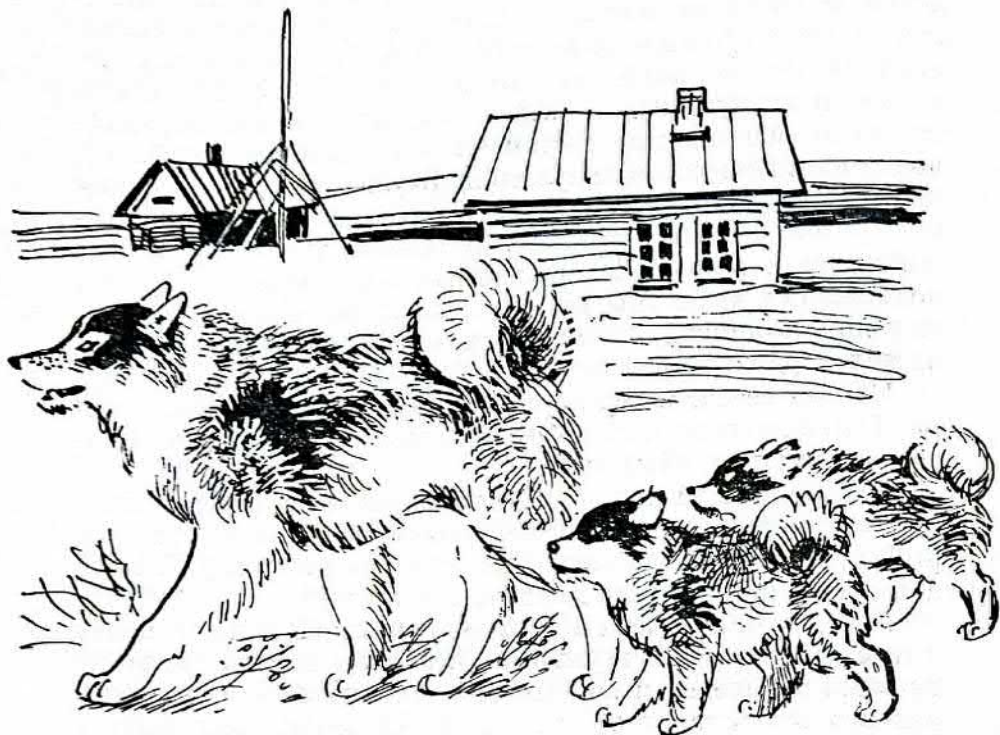
На следующий день Ваульма прибежала в поселок одна и, получив свою порцию юколы, потащила большую сушеную рыбину в тундру. Было ясно, для кого она несет еду. С этого дня собаке стали давать двойную порцию рыбы.

А через три недели в поселок пришли Ваульма, Белка и шестеро пушистых неуклюжих Белкиных щенков. К этому времени в маленьком поселке была уже целая стайка щенят разного возраста от других упряжных собак. Они жались к своим мамам, но понемножку начинали знакомиться друг с другом, учиться взрослым собачьим повадкам.

К осени, когда в тундре поспевают шикша и первые одинокие алые листики кое-где появляются в зарослях полярной березки, щенки уже окрепли. Они со звонким лаем вихрем носились по серой гальке пересыпи. И тогда нам пришлось увидеть еще раз великую заботу Ваульмы о своем беспокойном потомстве.

Однажды на ровной галечной площадке собралась стайка подросших щенят — их было не меньше дюжины, считая и внуков Ваульмы. Они беспечно кувыркались и тузили друг друга. Медленно подошла к ним Ваульма. Сначала она просто обошла вокруг всей компании. Щенки, наострив уши, смотрели на большую собаку. Тогда Ваульма побежала вокруг них неторопливой рысцой. На бегу она подталкивала носом то одного, то другого щенка. Прыг! Один из внучат

вынырнул из стайки и побежал за ней, стараясь на бегу схватить кончик ее хвоста. За ним, играя, кинулся второй, третий... Глядь — кружится по площадке большая ездовая собака, а за ней длинный хвост щенят! Ваульма убыстряет бег, и щенята начинают отставать, спотыкаться, садиться, ложиться. Заметив это, Ваульма возвращается и принимается облизывать их мордочки. Повалились, отдохнули. Щенята опять начали возиться и кувыряться. Ваульма поднялась. И на этот раз многие мордочки сразу повернулись к ней. Она побежала. И круговой маршрут повторился снова.

Много солнечных дней бегала так Ваульма. И все длиннее становился хвост щенков, бегущих сзади. И все дальше и дальше в тундру убегал этот «щенячий поезд», все шире

становились прыжки молодых собак, плавней побежка, ритмичней, согласованней движения.

Осенью, когда полетели белые снега, каюры (погонщики собак) впервые — на пробу — запрягли щенят в пустые нарты, и маленькие ученики Ваульмы легко и быстро освоили «бег в строю» и приучились к командам. А бежали они ровно и стойко, выдерживая довольно долгую перебежку.

Я рассказала каюрам и приезжим чукчам, как Ваульма в поздние летние дни обучала своих внучат и их однолеток. Старый седой чукча покивал мне головой и сказал: «Много умный собачка-мама так бежит с маленькими собачками. Собачки все понимают! Это маленький хороший люди, зашитый в шкурку»!

МИШКИН СПОРТ

В палатке проснулись. Свет снаружи золотил брезент палаточных скатов. Со швов брезента свисали длинные плоские серебряные ленты — замерзший пар человеческого дыхания.

В глубокой тишине за палаткой был слышен непонятный то нарастающий, то спадающий ритмичный шорох. На спаде шороха слышался словно бы глубокий вздох с утробным урчанием. Затем следовала пауза. И через две-три минуты все повторялось. Геологи высовывались из спальных мешков, недоуменно переглядывались, напряженно прислушиваясь. Странные звуки не прекращались.

Молча, очень осторожно, встали, оделись, расстегнули выход и выглянули из палатки. Опаловый туман, наполненный размытым солнечным сиянием, стоял вокруг. В нем едва угадывались голубоватые тени ближайших торосов.

С большими предосторожностями выбравшись из палатки, беззвучно шагая след в след, люди пошли на упорный шуршащий звук.

Вот легкий ветерок шевельнул туман — словно отошел край занавески. Совсем близко засверкал под солнцем высокий торос с широкой наклонной плоскостью к ровной поверхности морского льда.

По этому склону, сидя, как игрушечный мишка, забавно свесив перед грудью могучие лапы, съезжал, скатывался огромный белый медведь. Его морда с нелепо блаженным выражением была задрана кверху. Скотившись до самого низу, он плюхнулся на все четыре лапы с глубоким вздохом удовлетворения и медленно пошел вверх по торосу, покачивая башкой. Наверху он сел, поерзал, уминая снег, резко оттолкнулся передними лапами — и плавно покатил вниз, держа лапы перед грудью и шурясь на солнце.

Люди замерли. Медведь не видел их за группой торосов, и, опьяненный сиянием солнца, и снега, и синего неба, продолжал свои одинокие игры. Чтоб не мешать пушистому великану, люди как можно тише вернулись в палатку. Вскоре шорох и сопение прекратились. Видно, мишка накатался досыта и не торопясь ушел в бело-голубую ледяную даль на поиски нерпичьих лунок.

А зимовщики зажгли примус, сготовили завтрак и, сидя за мисками с горячим варевом, весело обсуждали утреннее видение. Еще вчера они недоумевали при виде широких, выглаженных до фарфоровой плотности, желобов, тянущихся сверху вниз по наклонным плоскостям высоких торосов. А ведь это же мишкины катальные горки! Ай да спортсмен-полярник! И почему-то теплее стало горстке людей, подглядевших чужачьи забавы мишки, в холодном безмолвии ледяной пустыни.

РЕФРАКЦИЯ

Летнее небо в Арктике такое синее, что глаза устают от его пронзительной яркости. А белый-белый снег источает миллионы острых искр. Без темных очков там погибель.

В один из таких ярких, слепящих дней мы пересекали пролив между островами — перевозили геологический лагерь с одного острова на другой. Собаки, помахивая пушистыми кольцами хвостов, дружно тащили нарты с грузом. Мы бежали рядом на лыжах. Выбравшись на берег, быстро поставили палатку на широкой каменной россыпи, сухой и даже теплой на солнце. Мужчины с упряжкой тут же двинулись назад за остатками груза, наказав мне навести порядок в лагере и приготовить обед.

Когда черные точки — лыжники — растаяли в ослепительном сиянии снега, я перестала смотреть им вслед и принялась устраивать палаточное хозяйство. С обедом можно было не спешить — мои товарищи вернутся не скоро: ширина пролива — десять километров.

Разложила на солнце спальные мешки — пусть проветрятся. Аккуратно расставила ящики и рюкзаки в палатке — жить нам здесь не меньше недели. Обнаружила, что наш радист Ваня сунул в вещевой мешок целую кучу пустых консервных банок. Зачем? Сложила их в стороне пирамидкой и спустилась с ведрами на лед, чтобы набрать снегу на суп и чай. У самого припая обнаружила устье крошечного ручейка. Повезло! Не надо снег топить. Набрала воды, выпрямилась, взглянула на снежную белизну пролива и обмерла...

По льду, не торопясь, брел белый медведь! Он направлялся прямо ко мне! Широкая лобастая голова опущена. Чуткий нос вынюхивает что-то на снегу. Вот он остановился, поковырял лапой снег, понюхал лапу. Опять медленно двинулся вперед. У меня вдруг ослабли ноги... Белый медведь — не бурый. Его основная еда — нерпичье мясо. Он ест все живое на льду и в снегу...

Вихрем влетела я на берег и — юрк в палатку. На минуту в привычном палаточном уюте, в тепле страх прошел. И тут же тревожная мысль: а что ему палатка? Сграбастает лапой и разорвет в мгновение ока. Выглянула наружу. Медведь был недалеко, он что-то внимательно изучал под лапами. Что делать? Вспомнила, что звери боятся огня и дыма. Может быть, заполнить керосином пустые консервные банки и расставить вокруг палатки? Авось зверюга не полезет в огненное кольцо...

Решила действовать не оглядываясь. Быстро расставила банки, налила керосин. Зажав в кулаке спички, все же оглянулась. Смотрю — никого. Ослепительно блестит пролив. Тишина... Растерялась. А где же медведь? Может за палатку пробрался пока я возилась и караулит меня? В страхе смотрю на серые шершавые камни, на пестрые банки, на тусклые вспышки солнца в желтой влаге керосина... Тихо. Но вот что-то шевельнулось рядом. Круто поворачиваюсь и... столбенею. Почти у самых моих ног сидит белый пушистый песец — полярная лисица. Задрав мордочку, нюхает керосиновый дух. Черные бусинки глаз смотрят на меня вопросительно, любопытно, дружелюбно: дескать, не угостишь ли чем?

Мне и стыдно, и смешно. Ныряю в палатку, быстро достаю из банки кусок смерзшейся тушенки, бросаю на снег. Песец ловко подхватывает подачку и мгновенно исчезает.

Торопливо сливаю керосин в канистру, мысленно подсмеиваюсь над собой: песца за медведя принять! Полярный геолог!

Вечером за ужином рассказала о своем конфузе товарищам. Они добродушно посмеялись надо мной, а наш старший объяснил, что мое приключение связано с рефракцией: горячий воздух над холодным снегом выгибается куполом, и получается огромное увеличительное стекло. Такая воздушная

линза все предметы увеличивает в десятки раз. Попади под эту линзу медведь, а не песец, он показался бы с айсберг! Охотники иногда стреляют в лемминга — полярную мышь, принимая его издали за нерпу.

Вот такую шутку сыграли со мной солнышко и снег.

ЗИМНЯЯ КВАРТИРА

Кончался рабочий сезон на арктических островах. Только около полудня солнце невысоко поднималось над горизонтом и, постояв словно в раздумье, снова исчезало за белыми шапками островных ледников. Потом недолго стояли серые сумерки, а затем ночь укрывала и камни, и льды, и свинцовое море. Часто подвывали метели. Со свистом неслась поземка по широким склонам ледников, морозы добирались уже до шестнадцати градусов.

В палатках, если не горел примус, пар от дыхания оседал ледяной пленкой на брезенте, свисал плоскими лентами иней с палаточных швов. В длинные вечера все трудней и трудней было справляться с обязательными записями. Мерзли пальцы, выходили из строя батарейки фонариков.

Геологический отряд свертывал работы. На завтра был назначен выход в обратную дорогу — к главной перевалочной базе. Туда собирались все отряды, перед тем как выехать на островок зимней базы через пролив тридцатикилометровой ширины.

Спать легли рано. Тепло и уютно было в спальнях меховых мешках, лежащих на оленьих шкурах. Мне не спалось. Лунный свет просвечивал сквозь потертую палаточную ткань. В узких голубых лучах поблескивал иней. Мои товарищи крепко спали. А я прислушивалась к непонятному шороху и возне в палатке. Вот где-то в изголовье зашуршало и пискнуло тихонько. Вот кто-то шмыгнул между спящими. Я осторожно высунулась из мешка, вглядываясь в неверный полумрак палатки. В лунном луче мелькнуло пушистое тельце: лемминг — полярная мышь! Что ему надо? Наши продуктовые запасы, уже очень истощенные, уложены и упакованы в дорогу, а между спальными мешками, где он шмыгает, поживиться нечем.

— Кыш!— сказала я тихонько.

Лемминг притих. Уже засыпая, сквозь дрему, я опять услышала торопливую возню. Но усталость взяла свое, и я крепко заснула.

Утром при тусклом свете фонарика по команде старшего мы, ёжась, вылезали из спальных мешков. В углу ворчал дежурный, разжигая заледеневший за ночь примус. В палатке было, пожалуй, темней, чем ночью. Лунный свет погас, набежали тучи. Холод сковывал движения. Но загудел примус, и сразу стало теплей. Ленты инея, шурша, посыпались на наши плечи. Но озноб уже не пробирал. От запаха кипящего варева все приободрились, повеселели, дружно потянулись к фанерному ящику, заменявшему стол. Кто-то уже постукивал ложками по эмалированным мискам в знак «боевой готовности». Только нескладный и рассеянный радист Ваня упорно не мог натянуть валенок на правую ногу. Он то тихонько ругался, то уговаривал валенок, не пускавший ногу дальше голенища.

— Ванюша, да ты погляди, что тебе мешает,— посоветовала я.

— Небось вечером-то, впросонках, шапку туда пихнул!— ехидно заметил наш геофизик.

Ваня молча засунул в валенок руку.

— Там... того... живое...— сказал он смущенно, вопросительно глядя на нас.

Дружный взрыв смеха был ответом.

— Иван, проснись, однако! Вареву стынет!— сердито крикнул дежурный.

Но Иван покачал головой и попытался заглянуть в валенок.

— Там блестит, глаза блестят!— доложил он нам.

Мы переглянулись. Старший сердито поднялся, взял из Ваниных рук валенок и резко потряхнул. На спальный мешок вывалился плотный клубок оленьей шерсти. Я осторожно его перевернула. В круглом отверстии была видна мордочка лемминга, отчаянно тарашившего глазки-бусинки!

Опять взрыв хохота.

— Стойте, стойте!— закричала я.— Это он всю ночь строил, шерсть из шкур щипал! Я слышала, только не догадалась, что он делает.

Наш старший присел на корточки и тронул пальцем остренький носик. Лемминг юркнул в глубину клубка и затих.

— Мастер! — сказал старший. — Отличную себе зимовку организовал! Небось думал: такой зимней квартиры ни у одного лемминга на всем архипелаге нет.

— Ребята, — попросила я, — давайте не будем его вытряхивать, устроим как-нибудь весь клубок в землю...

— Верно, верно! — дружно согласились все.

Мы высыпали из палатки. На песчаном бугре, где мы стояли, под тонкой пленкой свежего снега нашли с помощью фонарика несколько ходов в лемминговый «подземный городок». Осторожно, маленькой саперной лопаткой, подрасширили один ход. В самую его глубину опустили шерстяной клубок, выходом внутрь, на дорогу в «городок». Потом ход слегка прикрыли песком.

За завтраком только и обсуждали находчивость и деловитость лемминга. Весело дразнили Ваню, вспоминали другие забавные случаи, с ним связанные.

Через час мы навсегда ушли с песчаного пятачка арктической пустыни у края огромного бело-зеленого ледникового щита. И уходя, испытывали странное чувство заботы и товарищества по отношению к малышке леммингу, занявшему у нас чуточку человеческого тепла в преддверии длинной суровой полярной зимы.

ВРЕДНЫЙ ХАРАКТЕР

Когда прохладным синим утром я увидела сто оленей, толпившихся около воды, я очень удивилась. Вот кошки, собаки, коровы — если их несколько рядом, все разные. А олени — словно «мягкая игрушка, модель №...» — один, как другой. Вспомнились полки игрушечных отделов, уставленные мягкими коричневыми мишками с пуговичными глазами.

Только у оленей глаза огромные, печальные, отливают застенчивым фиолетовым блеском. Головы клонятся под тяжестью ветвистых рогов. Шкурка бархатистая, шоколадно-коричневая, а на спине будто накинута серебристая попонка с коричневым подсветом.

Сто близнецов-оленей подошли к краю воды. Большинство

во не торопясь пили утреннюю холодную воду, цедя ее сквозь сомкнутые бархатистые губы. Другие стояли, устремив печальный неподвижный взгляд в тающий утренний туман, на середину реки. Казалось, они вспоминают о чем-то далеком, грустном. Но вот раздался зычный оклик оленегона, старого Вылко. И олени, медленно переступая точеными ногами, потянулись в пеструю летнюю тундру.

Вскоре зрелище оленьего стада стало привычным. Мы уже много дней провели с оленями в тундре, когда случилась большая неприятность: наши сто оленей убежали в колхозное стадо, состоящее из двух с половиной тысяч голов. Я была в перепуге и думала, что нам не удастся отличить своих оленей от колхозных. А пастухи выловили их всех маутом* за один час. И дело было вовсе не в колхозном клейме, которое и разглядеть-то было нелегко.

Пастухи говорят: «Каждый оленчик совсем другой. Глядит по-своему. Ходит, бегают по-своему. В упряжке идет по-своему. Никто не похожий, каждый знакомый». Но я напрасно к ним приглядывалась. Еще долго они все были одинаковыми для меня.

В один ясный вечер, после большого дневного маршрута, усталые, подходили мы к лагерю. Чум, освещенный низким солнцем, казался медным. Палатки прятались в тени ярх — низкорослого непролазного ивняка. Ближние круглые холмы тускло бронзовели, дальние — толпились лиловыми горбушками. Нудно и густо звенели комары. Вдруг на ближний холм вынеслась оленья упряжка и замерла. Пять оленей из чистого золота! Ирвас**, в середине, высоко вскинул золотую голову, увенчанную медно-красными рогами. На нартах, сзади, стояла тоненькая девушка, тоже вся золотая. Она сдерживала оленей, вглядываясь в тень нашей долины. Потом что-то вскрикнула, и упряжка скользнула по склону, как стайка золотых птиц... Мы побежали бегом к палаткам.

Оказывается, приехала старшая дочь Вылко — Паша, помогать отцу по хозяйству. Она прибежала, как говорят в тундре, на своей упряжке. А у нее все пять оленей — четыре важенки и один ирвас — белые. Они были крупнее наших «шо-

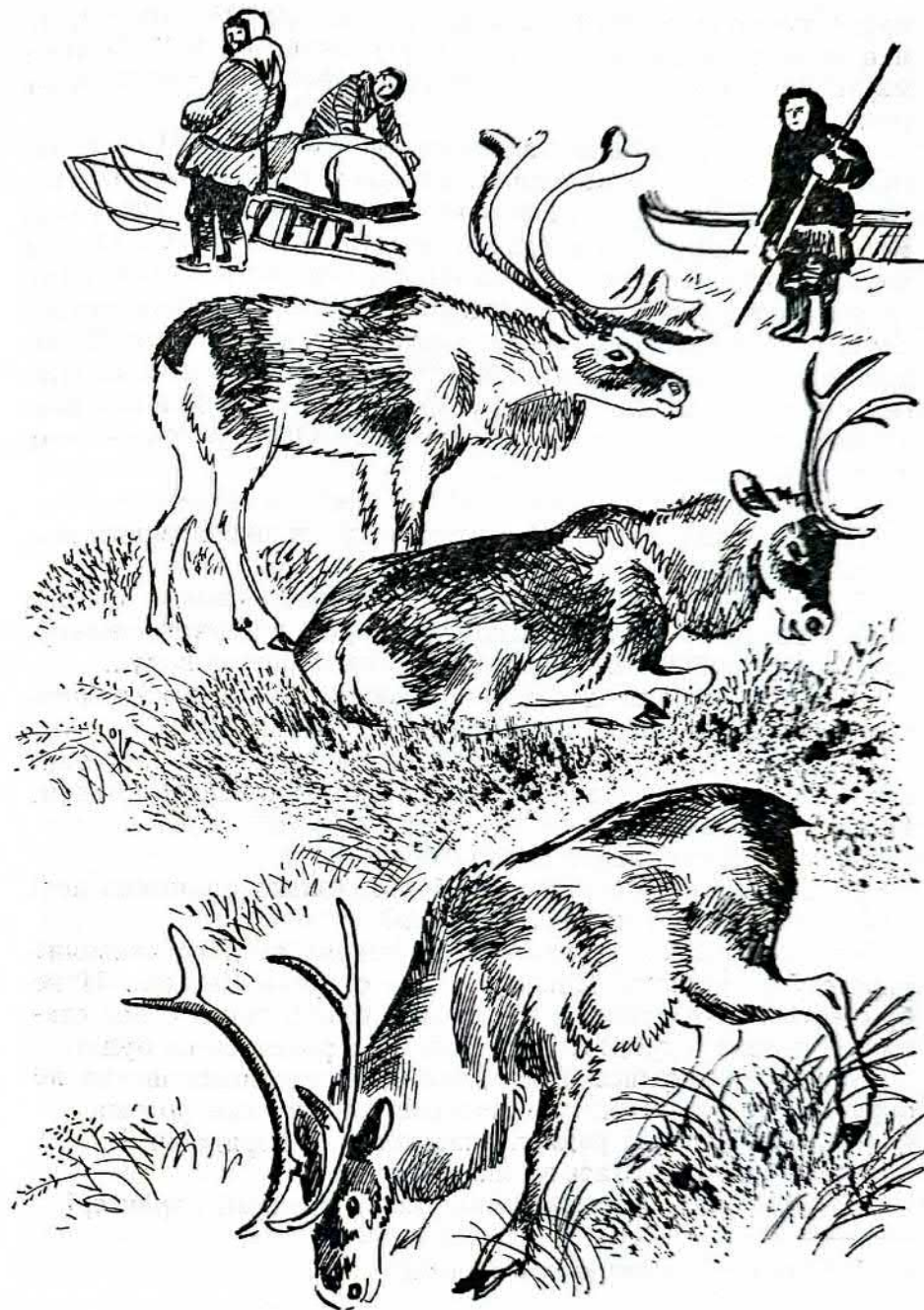
* Маут — веревка с петлей.

** Ирвас — самец оленя.

коладок», выше и стройнее. И смотрели гордо, высоко вскидывая головы. Ирвас строго следил за своими важенками, не пускал их в стадо и никого не слушался, кроме Паши. Однако эти олени были вовсе не особой породы. Просто иногда в «шоколадной» семейке рождается белый олень. Белых оленей отбирают в отдельные упряжки. Они и крупнее, и выносливее, и быстрее бегают. Но у белых оленей рождаются «шоколадки». И только среди внуков, а то и правнуков опять появляется белый олень.

Наших «шоколадок» я постепенно начала различать по характерам. Среди них замечала усердных, работающих — и ленивых, хитрых. Были ласковые, доверчивые — и угрюмые или злобные исподтишка. Был один олень, крупный, спокойный, которого никакими силами нельзя было заставить идти в упряжке. Ну никак! И он всегда шел рядом с арги-

шем*, пощипывая мох. Не отставал, не забегал вперед, но и к себе не подпускал ни на минуту, если видел у хозяина маут. На него и внимание обращать перестали — пусть идет так; дикий совсем...

А тут случилось еще маленькое происшествие. Мы, геологи, чтоб скорее проходили запряжки и распряжки оленей при дальних перебросках лагеря, всегда помогали пастухам. Все быстро научились запрягать и распрягать оленей. Одним хмурым осенним вечером я заметила, что все распряженные упряжки уже разошлись по тундре, и только упряжка самого Вылко стоит нераспряженная, уныло опустив головы. Я подошла к оленям и начала их быстро распрягать. Один за другим они тихо уходили в тундру. Остался вожак. Я и его распрягла. Сложила на нарту упряжь. Оглянувшись — олень стоял на месте.

— Ты что? — удивилась я. — Иди, иди!

Я похлопала его рукой по загривку и, не оглядываясь, пошла к палаткам.

И вдруг — трах! — сильный удар пониже спины поднял меня в воздух. Пролетев несколько метров, я звучно плюхнулась в круглый бочажок, в ледяную коричневую воду...

— Ай-ай-ай! Что делаешь? Зачем начальника воду бросал? — отчаянно кричал Вылко, пробегая мимо меня.

Я быстро вылезла из бочажка — вся мокрая и растерянная. Товарищи мои и молоденькая Паша заливались смехом. Подбежал Вылко.

— Не шибко больно? Нога не болит?

— Да нет, ничего у меня не болит, только промокла вся! Скажи, за что он меня? Чего взъелся?

— Ай-ай-ай! Не успел сказать: никому не дает «хозяин» упряжку распрягать! Никому, кроме старика Вылко... И не брыкается, тихо стоит, а потом даст сзади, так и с ног свалит. И пойдет в тундру. Тихо пойдет, торопиться не будет.

Мы все оглянулись. Последний олень не спеша шагал по окраине лагеря, изредка встряхивая ветвистыми рогами.

— Ишь, — сказал радист, — шагает, как порядочный!

Паша опять залилась звонким смехом:

— Карактер у него вредный, шибко вредный карактер!

* Аргйш — цепочка нарт с оленями.

ВЕРНОСТЬ

Двухлетняя экспедиционная работа окончилась. Приближался отъезд. Мы задержались — поздние осенне-зимние штормы бушевали в Беринговом море. Гремящие накаты обрушивали на галечные пляжи пластины молодого льда. Они разбивались о камни со стеклянным звоном, разлетаясь сотнями осколков...

Нам сообщили, что ни один корабль не пойдет к берегу ближе чем на пять километров и погрузка будет тяжелой. Заранее предупредили, что ничего живого с собой брать нельзя (имелись в виду собаки и ручные волчата или медвежата, которых нередко возили с собой зимовщики).

Я со страхом и горечью думала о разлуке со своей любимой собакой Малышом. Малыш — сын колымской лайки и европейской овчарки. Крупнее овчарки (колымские лайки огромных размеров!), быстрый, легкий, изящный по-лаячьи. Хвост его не закрученный кольцом, но пушистый и длинный, черный сверху и светлый снизу, заканчивался ослепительно белым кончиком. У него были умные, как у человека, глаза — большие, блестящие, карие, полные пристального внимания к каждому слову. В них то переливались веселые искры смеха, то вспыхивали яростные и грозные огни — вызов на битву. Бывали они и бесконечно задумчивы, устремленные на трепетный огонь походного костра... Мы с ним умели понимать друг друга. Не обязательно было командовать словом: взгляд, прикосновение руки — и он мгновенно и точно реагировал на беззвучную команду. Малыш был все время рядом, в течение двух лет, с пятимесячного возраста. И я не могла себе представить разлуку с ним. А она неумолимо надвигалась.

В эти дни к нам пришел оперативник-пограничник. Он давно слышал от людей о красоте и уме Малыша. Теперь узнал о нашем отъезде и о запрете вывозить собак... А у него полгода назад погибла своя собака. «Пожалуйста, — обратился он ко мне, — оставьте его мне! Он героем-чудодеем у меня станет! Ведь не пес — человек в собачьей шкуре, поглядите на него...» Малыш, насторожив уши, пристально смотрел на гостя. Лежал, скрестив передние лапы. Человек наклонился к нему — собака глядела, не смигнув. Рука не-

знакомому коснулась головы Малыша — пес не шевельнулся. Только по шерсти, от головы к хвосту, словно прокатилась мягкая волна.

— Ах! До чего хороша собака! — воскликнул пограничник. — Доверьте ее мне — не пожалеете...

Мы решили, что я приведу к нему Малыша и оставлю на двое суток на испытание. Посмотрим, что будет.

Мы с Малышом вошли в незнакомую комнату. Нас ожидали. Малышу предложили миску великолепного бульона из оленины. Он понюхал, вежливо взмахнул хвостом, сел и уставился на меня.

— Ложись! — сказала я. Он лег. — Ну вот и молодец. Лежи, Малыш, лежи. — Я почесала у него за ушами и, отойдя, посмотрела. Он не спускал с меня глаз.

— Лежи! — повторила я и быстро вышла за дверь.

Через двое суток я подошла к этой двери с неистово колотящимся сердцем.

Пограничник открыл мне.

— Посмотрите! — сказал коротко.

Малыш лежал в той же позе и на том же месте. Глаза его были закрыты. По телу непрерывно бежали волны крупной дрожи. Перед ним на полу полукругом лежали куски мяса, печенье, сахар, даже шоколад, стояли мисочки с бульоном, с разведенной сгущенкой, просто с водой.

Опечаленный хозяин дома развел руками.

— Как вы ушли, ни разу не шевельнулся. На меня ни разу не взглянул. На гостинцы тоже. Глаза закрыл. Со вчерашнего вечера вот так дрожит. А глаза не открывает.

У меня больно стиснуло сердце.

— Малыш! — шепнула я со страхом. Он взвился одним броском на задние лапы, передние легли мне на плечи. Все тело прижалось ко мне, голова — к моей голове. И ни звука. Только такая дрожь, что и меня затрясло.

— Малыш, Малыш! — я обнимала его, целовала горячую морду... Пограничник засмеялся тихо и сказал:

— Нет, голубушка, это собака одного хозяина! Без него ей — смерть. Завтра придет пароход, я сам поговорю о вас с капитаном. Такую собаку нельзя оставлять!

Он сдержал свое обещание. Капитан согласился взять собаку на борт.

Наступил день отъезда. С грохотом и водопадами брызг бились зеленые валы о длинный деревянный пирс. А на пирсе весело и шумно суетились люди. Ребятишки, семейный пестрый скарб, тяжелые тюки экспедиционного груза — все это передавалось по цепи человеческих рук и заполняло тяжелые плоскодонные кунгасы, качавшиеся на приглашенных валах с подветренной стороны пирса.

— Мы с Малышом подошли в самый разгар погрузки. Отряд пограничников в дубленых полушубках помогал на погрузке. Ко мне направился старшина.

— Чья собака? — коротко спросил он, показывая на Малыша.

Малыш молча вздернул губы, показывая ослепительно белые клыки.

— Моя, — сказала я. — А что?

— Предъявите документы.

— Какие документы?

— На собаку.

— Какие же могут быть документы? Она в тундре родилась два года назад. Щенка убить хотели, а я его взяла и вырастила. Откуда же тут документы будут?

— Значит, нет документов?

— Нет, конечно.

Он позвал ближайшего солдата.

— Заберите собаку в часть, она без документов. Пес стоящий!

И не успела я опомниться, как Малыша накрыли крупной сетью и, отчаянно рычащего, швырнули внутрь «козлика». Старшина прыгнул на сиденье рядом с шофером, захлопнул дверцу. И машина понеслась по направлению к погранпоселку, стоявшему километрах в пяти от берега...

Я растерянно оглянулась. Погрузка шла полным ходом. Все были заняты. Никто даже не заметил похищения Малыша. Далеко-далеко на рейде покачивался силуэт грузового судна, ожидавшего нас...

Я обошла пирс, легла на холодную гальку и прижалась к ней лицом. Что-то рвалось и корчилось внутри. Вот-вот погрузка закончится, и ничем не остановить предстоящего хода событий — пароход ждет на рейде! Собаку не вернуть! Помочь некому...

Кто-то тронул меня за плечо. Подняла голову — двое парней в расстегнутых телогрейках, под которыми видны тельняшки, наклонились надо мной...

— Ты что? — спрашивали они в один голос. — Случилось что?

Я села, перевела дыхание и едва выговорила:

— Малыша украли! Собаку мою...

— Уж не ту ли, о которой нашего капитана оперативник просил?

— А вы с парохода?

— Да, матросы мы, тут с катерком по казенному делу. Да кто украл-то?

— Старшина отряда пограничников.

Парни засвистели.

— Дело дрянное, — сказали они хором. — Видать, собака и впрямь знаменитая: оперативник ее, ого, нахваливал!

Мы замолчали. Я безнадежно глядела в пустоту бурой осенней тундры. Дни стояли сухие, еще без снега, но с морозцем. Под ветром жестко шуршали мерзлые травы. Далеко-далеко на буром фоне появился странный маленький клубок пыли. Я смотрела на него без всякой мысли. А он двигался. Клубочек пыли не просто двигался, он стремительно приближался, катился по ржавым кочкам. Он был все ближе, ближе...

Сердце вдруг рванулось навстречу. Я вскочила. В пыли уже мерещились знакомые уши! Малыш, как и его предки, колымские лайки, по твердому грунту мог бежать со скоростью шестьдесят километров в час. Это точно — не преувеличение.

Матросы встали рядом со мной:

— Во дает!

Еще, еще рывок — и Малыш с обрывком толстой веревки на шее уже передо мной, уже вскинул лапы на плечи и одним движением языка облизал мое лицо, еще влажное от слез. Прижав его к себе, я с отчаянием поглядела на матросов.

— Что теперь делать? Он убежал! А на погрузке пограничники опять отнимут!

— Вот еще! Такую собаку отымать! Давай его к нам на катерок, мы намного вперед кунгасов его капитану доставим. А пограничники кунгасы до корабля не провожают. Как на-

род на борт примем — так и в море... Давай, не сомневайся! Он тебя на палубе встретит.

Мы бросились к катерку, стоявшему в затишке у стенки пирса.

— Прыгай! — крикнула я Малышу.

Он птицей влетел на катерок, матрос смело схватил его за ошейник и — в кубрик. Крышка захлопнулась. Затарахтел

моторчик. Катерок стремительно запрыгал по волнам, направляясь к пароходу. Я стояла, всхлипывая и смеясь, веря и не веря своему неожиданному счастью. В это время меня окликнули. Погрузка закончилась. Кунгасы готовились к отплытию на рейд.

— Где же Малыш? — закричали все, и взрослые, и дети, когда я прыгнула в кунгас.

Я до того наволновалась, что только рукой махнула. Голоса не было. Все притихли. Муж с тревогой посмотрел на меня.

— Да где же он?

— Ничего, ничего, — едва вымолвила я. — Все хорошо. — Я отвернулась.

А когда кунгас подваливал бортом к трапу, спущенному с палубы, с капитанского мостика над нашими головами раздался звучный отрывистый лай, похожий на короткие удары низкого колокола.

— Малыш! Малыш! — завизжали ребяташки, закричали взрослые, и вдруг над морем раздалось радостное, дружное, троекратное «Ура!».

СОДЕРЖАНИЕ

Евражкин дом	3
Хвостатый нянь	9
Не зевай, Малыш!	12
Завтрак Топтыгина	16
Ваульма	20
Мишкин спорт	26
Рефракция	28
Зимняя квартира	31
Вредный характер	34
Верность	39

Издание для детей и юношества

Загорская Наталья Георгиевна

Не зевай, Малыш!

Рассказы

Для младшего школьного возраста

Редактор Ю. В. Слюсарева
Художник Т. Д. Васильева
Художественный редактор Е. А. Агафонова
Технический редактор С. М. Паль
Корректор В. Н. Григорьева

ИБ № 1986

Сдано в набор 20.01.89. Подписано в печать 03.05.89. Формат 70×90^{1/8}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 3,51. Усл. кр.-отт. 3,7. Уч.-изд. л. 2,87. Тираж 30 000 экз. Зак. 500. Изд. № 10. Цена 15 к.
Издательство «Карелия». 185610. Петрозаводск, пл. В. И. Ленина, 1. Республиканская ордена «Знак Почета» типография им. П. Ф. Анохина Государственного комитета Карельской АССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 185630. Петрозаводск, ул. «Правды», 4.

Загорская Н. Г.

314 Не зевай, Малыш: Рассказы. — Петрозаводск: Карелия, 1989. —
48 с., ил.
ISBN 5-7545-0179-X

Из рассказов Н. Г. Загорской, геолога по профессии, вы узнаете о дальних северных экспедициях, о встречах автора с интересными людьми, о верных помощниках человека в трудных полярных условиях — собаках, о природе и животном мире Крайнего Севера.

3 4803010201—036
M127(03)—89 60—89

P2

